II. ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Акинфиева В. В., Воронцов С. Г. Публичное, частное, гражданское и гражданское право: содержание понятий в древнеримских и современных доктринальных источниках // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 226–247. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-226-247.

Akinfieva V. V., Vorontsov S. G. *Publichnoe, chastnoe, tsivil'noe i grazhdanskoe pravo: sodержanie ponyatiy v drevnerimskikh i sovremennykh doktrinal'nykh istochnikakh* [Public, Private, Civil Law, and Jus Civile: Content of the Concepts in Ancient Roman and Modern Doctrinal Sources]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 48. Pp. 226–247. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-226-247.

УДК 340.01

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-226-247

**ПУБЛИЧНОЕ, ЧАСТНОЕ, ЦИВИЛЬНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО:
СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ В ДРЕВНЕРИМСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ
ДОКТРИНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ**

В. В. Акинфиева

Кандидат юридических наук, доцент кафедры
предпринимательского права, гражданского
и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-1536-3715

ResearcherID: F-3330-2017

E-mail: vakinfieva@yandex.ru

С. Г. Воронцов

Кандидат юридических наук, доцент кафедры
предпринимательского права, гражданского
и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-0184-7468

ResearcherID: K-7286-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-402-412

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-15-23

E-mail: medeo2006@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2019

Введение: Теория правового дуализма берет свое начало в работах древнеримских юристов, и со времен Дигест Юстиниана бесчисленные поколения последователей Ульпиана привычно делят право на публичное и частное. Вместе с тем современные представления о правовом дуализме и содержательная часть используемых при этом категорий зачастую не совпадают со значениями одноименных терминов античных юристов, что указывает на искажение или полную утрату изначально заложенных смыслов. Это обстоятельство диктует необходимость восстановления «первоначального информационного сигнала». Одним из действенных приемов, направленных на решение подобных задач, является способ верификации – сопоставления сообщений с заданными, эталонными параметрами. Широко используемый в теории связи, этот метод применим и в правоведении. В настоящем исследовании в качестве эталона – «начального информационного сигнала» – используется текст Дигест Юстиниана, содержание

которых будет проецироваться на современные представления юристов о дуализме права, в целях обнаружения смысловых отклонений. **Цель:** уяснение истинного смысла терминов «публичное», «частное», «гражданское» и «гражданское» право путем сопоставления современных представлений об этих категориях с начальными значениями древнего, преимущественно римского, права. **Результаты:** выявлено множество критических отклонений современной теории правового дуализма от изначально заложенных смыслов. Искажения, вплоть до замены существовавшего (юс натуралистического) типа правового понимания, выявлены во всех содержательных конструкциях ключевых понятий: «публичное», «частное», «гражданское», «гражданское» и собственно «право». **Выводы:** публичное право Древнего Рима, в его истинном значении, не имеет своего аналога в современной, в том числе и российской, юриспруденции. Это «божеское право» (по определению И. М. Покровского) или отношения сверхъестественного начала (Рим, римская община – боги). Поэтому все наше «писаное» право является, по определению Дигест, частным, а точнее – гражданским, и называть его отдельные части словом «публичное», да еще и со ссылкой на критерий Ульпиана, совершенно необоснованно.

Ключевые слова: публичное и частное право; гражданское право; критерий Ульпиана; Дигесты Юстиниана; гражданское право; гражданство

PUBLIC, PRIVATE, CIVIL LAW, AND JUS CIVILE: CONTENT OF THE CONCEPTS IN ANCIENT ROMAN AND MODERN DOCTRINAL SOURCES

V. V. Akinfieva

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0002-1536-3715
ResearcherID: F-3330-2017
E-mail: vakinfieva@yandex.ru

S. G. Vorontsov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0003-0184-7468
ResearcherID: K-7286-2016
Articles in the databases 'Scopus' / 'Web of Science':
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-402-412
DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-15-23
E-mail: medeo2006@mail.ru

Received 10.10.2019

Introduction: the theory of legal duality originated from works of ancient Roman jurists. Since the Digest of Justinian appeared, the law has traditionally been divided into public and private by numerous generations of Ulpian's followers. However, modern interpretation of legal duality and the related categories sometimes differs from that of ancient jurists, which can indicate either distortion of the original meaning or its complete loss. This fact brings about the necessity to recover the original content of the concepts. One of the most effective ways to solve such problems is the verification method, that is comparison of messages with the given etalon parameters. Widely used in the theory of communication, this method can be equally applied in legal science. In the present study, in order to reveal discrepancies in the interpretations, the text of the Digest of Justinian, used as an etalon, will be compared to the understanding of legal duality by modern lawyers. **Purpose:** to determine the true meaning of the concepts of public law, private law, civil law and jus civile through comparing modern interpretation of these categories with that they had in ancient, mostly Roman, law. **Results:** the study has revealed a significant number of major discrepancies between the modern theory of legal duality and the meanings initially carried by its categories. Distortions were revealed in the understanding of all the key concepts: public law, private law, civil law, and jus civile; jus naturale legal consciousness was found to be replaced with legal consciousness of another type. **Conclusions:** public law of Ancient Rome in its original meaning has no equals in any modern law, including

Russian jurisprudence. According to the famous Russian jurist I. M. Pokrovsky, ancient Roman public law is law created by the god; it could be characterized as a phenomenon of transcendental origin (with Rome, Roman community being perceived as the gods). Thus, through the prism of the Digest, all the modern written law is just private law, or, more specifically, jus civile, and there is no reasonable ground to name it public, let alone associate it with the Ulpian's criterion.

Keywords: public and private law; jus civile; Ulpian's criterion; Digest of Justinian; civil law

Введение

Деление права на публичное и частное известно юристам со времен Древнего Рима. Именно так правильнее будет сказать, не тиражируя распространенное суждение о том, что «впервые с таким делением мы знакомимся в трудах известного древнеримского юриста Домития Ульпиана (конец II – начало III в. н. э.)» [16, с. 59].

Классификация «публичное – частное» была известна задолго до Ульпиана и встречалась в предшествовавших Дигестам законах Нумы Помпилия (753–672 гг. до н. э.) и Законах XII таблиц (451–450 гг. до н. э.) (об этом подробнее см., например, [13, с. 13]). Поэтому логичнее предположить, что Ульпиан – не автор классификации, а тот, кто сформулировал или только воспроизвел в одной из своих работ (книга первая «Институций») основание для такого деления.

С подобной оценкой согласны не все отечественные исследователи. Есть и другие мнения. К примеру, проф. М. Н. Кузнецов считает, что эта классификация возникла гораздо позднее Ульпиана, уже после распада Римской империи: «Сегодня ошибочно принято считать, что традиция деления права на частное и публичное восходит к римскому праву. Однако новейшие исследования показывают, что это произошло несколько столетий спустя после распада Западной Римской империи» [14, с. 236].

С тех пор, когда Ульпиан записал свой знаменитый критерий, попавший на первые страницы Дигест императора Флавия Юстиниана в 533 году н. э., публично-частная классификация «обросла» теориями, мнениями и многочисленными комментариями. Привычку делить право на две составляющие переняли многие страны, относящие себя к так называемой романо-германской правовой группе: Гер-

мания, Италия, Россия, Португалия, Франция и др. В Европе на базе идей дуалистической концепции выросли целые школы и философские течения, в числе которых, в первую очередь необходимо назвать «историческую школу права». Именно приверженцев этой школы называли пандектистами (в честь греческого синонима римских Дигест), и совершенно не случайно.

Являясь приверженцами самой развитой правовой системы древности, пандектисты не остановились исключительно на ее изучении, а продвинулись далеко вперед и в плане теории, и в плане практического применения античных регламентаций. В результате был не только создан основной источник германского частного права, но и разработан вариант образцовой кодификации, получившей название пандектной формы, а также ряд важнейших категорий и институтов современного частного права, таких как гражданско-правовая сделка, договор, обязательство и др.

В отличие от европейских стран, Россия не всегда признавала практическую значимость и теоретическую состоятельность дуалистической концепции права. Известное письмо В. И. Ленина к Д. И. Курскому положило в свое время конец изысканиям отечественных правоведов в этом вопросе: «Не поддаваться Наркоминделу, который “по должности” тянет линию “приспособления к Европе”, а бороться с этой линией, вырабатывать новое гражданское право, новое отношение к “частным” договорам и т. п. Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государственный, а государство, это – мы, как сказано выше. Отсюда – расширить применение государственного вмешательства в “частноправовые” отношения; расширить право государства отменять “частные” договоры; применять не *corpus juris romani*

к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание» [15, с. 398].

Вследствие этого в течение без малого семидесяти лет теория деления права на публичное и частное если и упоминалась, то только в контексте критических замечаний в адрес «не имеющей под собой научной основы буржуазной правовой теории». Такими характеристиками привычно снабжались публикуемые издания советского периода и даже самые выдающиеся исследователи гражданского права того времени были весьма категоричны на этот счет (подробнее об этом см. [18, с. 14]).

К примеру, О. С. Иоффе в труде «Гражданско-правовая доктрина промышленного капитализма», впоследствии ставшем классикой юридической литературы, писал: «Но если свою полную беспомощность буржуазная цивилистика обнаруживает даже в вопросе, обладающем почти исключительно практической направленностью, легко представить то поистине безвыходное положение, в которое ее ставит дуализм публичного и частного права, вне социальных факторов вовсе не объяснимый» [10, с. 78]. Надо отметить, что это беспрецедентное обвинение в теоретической беспомощности было высказано в адрес безоговорочного авторитета современной российской цивилистики Г. Ф. Шершеневича.

Аналогичные характеристики буржуазной науке давались и учеными стран социалистического лагеря. К примеру, известный чешский исследователь римского права Милан Бартошек высказывался на этот счет следующим образом: «В мировой романистической литературе существует несколько энциклопедических трудов по римскому праву, но ни один из них не удовлетворяет требованиям социалистической науки» [1, с. 15].

Действительно, правоведение в России пережило несколько этапов в своем развитии представлений о дуализме и фактически опробовало всю палитру восприятия, — от полного отрицания до безоговорочного доверия. До революции 1917 года идея дуализма права всецело захватывала умы ведущих цивилистов отечества и был период, когда Петербургский университет отправлял студентов за рубеж, в Германию, к самому К. Ф. Савиньи — основному апологету теории пандектного права. Римское право преподавалось на латыни, а профессора

Московского университета писали книги о влиянии греческой философии на римских юристов на немецком языке¹ (см., например, [48]). Все это указывает на то, что идеи дуализма имели в дореволюционной России серьезную как теоретическую, так и материальную научную основу.

После распада Советского Союза в 1991 г. интерес к теории правового дуализма разгорелся с новой силой и продолжает занимать умы исследователей до настоящего времени. Это обстоятельство является следствием особенностей исторического развития отечественного правоведения, которое, как уже было сказано, на протяжении многих десятков лет отвергало все частное в праве. В результате редкий отечественный учебник по теории права, гражданско-правовой или смежной специальности обходит своим вниманием эту проблематику.

Обнаруживая зачастую завидное единомыслие в вопросах необходимости и пользы классификации, делящей право на публичное и частное, как современные исследователи, так и классические пандектисты XIX века чаще всего вкладывают в содержание употребляемых категорий значения, совершенно не совпадающие с представлениями древнеримских юристов, называя это «трансформацией понятий». При этом иллюстрациями существующих терминологических несоответствий и понятийных различий являются одинаково звучащие, но совершенно разные по смыслу и содержанию ключевые позиции теории правового дуализма — «публичное», «частное», «гражданское», «цивильное» и собственно «право».

Право, юриспруденция и «критерий Ульпиана»

Дигесты Юстиниана начинаются с того, что всем изучающим право объясняется этимология этого слова и говорится, что происходит оно от термина «справедливость». Право и справедливость — синонимы для римлян. Для понимания этой принципиальной установки уместно привести мнение Юлия Павла из 14-й книги «Комментариев к Сабину»: «Говорится, что претор высказывает право [выносит решение], даже если он решает несправед-

¹ Имеется в виду работа профессора Московского университета Павла Эмильевича Соколовского.

ливо; это [слово] относится не к тому, что претор сделал, но к тому, что ему надлежало сделать» [9, с. 86, 87]¹. То есть право, даже если люди, «высказывающие право», ошиблись, всегда справедливо и неизменно безошибочно.

Указание на неразрывную связь справедливости и права мы можем встретить и в работах других выдающихся юристов Древнего Рима. Так, Домиций Ульпиан в 1-й книге «Институций» начинает объяснение термина «право» с дефиниции Публия Ювенция Цельса, определявшего данный термин как «искусство доброго и справедливого» (*jus² est ars boni et aequi*). По мнению Ульпиана, это определение является одним из самых удачных. Он называет его *eleganter* – «превосходный» [9, с. 82, 83]. С фрагментов этих работ, собственно, и начинается книга первая Юстиниановых Дигест.

Для современного юриста подобные термины лишены точного понятийно-категориального содержания. Категории добра и зла, справедливого и несправедливого сегодня не являются сферой профессиональных обязанностей и интересов правоведов и составляют систему морально-нравственных ценностей, находящихся в рамках иной видовой совокупности социальных норм.

Привыкший относиться к праву как к системе формально определенных, т. е. письменных, установленных (санкционированных) и охраняемых силой государства общих правил поведения, рассчитанных на многократное применение, современный юрист чаще всего вряд ли представляет себе многозначие и содержательную составляющую древнеримских аналогов.

Во времена Древнего Рима термин «право» так же, как и сейчас, был многоаспектным, но его содержание не совпадало с современными представлениями. К примеру, Павел

в 14-й книге «Комментариев к Сабину» называет следующие смыслы:

– право – это то, что всегда является добрым и справедливым. Под этим определением он имеет в виду естественное право (*jus naturale*);

– право – это то, что полезно всем или многим в государстве. И это право гражданское (*jus civile*);

– право – это высказанное претором решение (*jus honorarium*);

– право – это место, где «претор ... устанавливает судоговорение» (*jus appellatur*).

Список дополняет Марциан в 1-й книге «Институций», указывая еще на одно значение: «Иногда мы говорим “право” о родственных связях. Например, “мне принадлежит право родства или свойства”» (*jus cognationis vel adfinitatis*) [9, с. 86–89].

Перечисленные варианты в понимании права не исчерпывают широкую палитру представлений древних. В разделе настоящей работы, посвященной частному праву, этот список будет продолжен.

Современные российские авторы учебных и научных трудов по теории государства и права обычно рассматривают право как науку, как систему правовых норм, как совокупность форм выражения норм права или как учебную дисциплину. Подобным образом поступают и авторы отраслевых изданий. При этом ранее употреблявшиеся в определениях права категории добра, справедливости или пользы (для всех или многих) в современных дефинициях не используются.

Юристы настоящего времени являются специалистами в области преимущественно «писанного права» (*jus scriptum*), и стоит отметить, что сфера профессиональных интересов юристов древности, а равно и предмет юриспруденции, была несоизмеримо шире. «Юриспруденция, – писал Ульпиан, – есть познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом» [9, с. 86, 87]. Ни божественными, ни морально-нравственными категориями современное правоведение сейчас не занимается. Круг профессиональных юридических задач заметно сузился.

Как видно из приведенных примеров, за полторы тысячи лет накопилось множество несоответствий даже в значениях основных и час-

¹ Цитируется по первому полному русскому изданию Дигест 2002 г., характерной особенностью которого является одновременное постраничное воспроизведение оригинального текста и соответствующего русского перевода, что предоставляет читателю дополнительную возможность не только попрактиковаться в изучении латыни, но и убедиться в точности предлагаемого перевода. Все ссылки на это издание по тексту статьи снабжены указаниями на постраничное расположение того или иного цитируемого фрагмента путем указания на страницу латинского варианта, а через точку с запятой – соответствующей страницы русского перевода.

² В данной статье лат. *ius* (др.-рим.) и *jus* (ср.-век.) объединены написанием *jus*.

то употребляемых категорий. К сожалению, это обычное свойство любой информации. Без соответствующих действий по восстановлению первоначального значения тех или иных терминов информационный сигнал естественным образом всегда «затухает» со временем.

Как хорошо известно из кибернетических дисциплин, многократная передача информации, к примеру, от одного поколения юристов к другому в конце концов всегда приведет к частичной или полной утрате начальных сведений. Относительно избранной для изучения теории заметим, что современный правовой дуализм является примером того, как долго можно теоретизировать, давно утратив начальный смысл и истинное содержание.

Формулируя свои рекомендации изучающим право, исключительно с образовательной целью, Домиций Ульпиан, в уже упоминавшейся 1-й книге Институций, действительно пишет о классификации права, деля его на две составляющие: публичное и частное. И фраза на латыни: *Publicum jus est quod ad statum rei Romani spectat privatum quod ad singulorum utilitatem: sunt enim quaedam publice utilia, quaedam privatim* хорошо известна многим поколениям юристов под стратой «критерий Ульпиана». Именно на основе этого критерия тогда и до сих пор производятся логические операции, критически оцениваются классификации и пишутся научные труды. Однако большинство исследователей, к сожалению, по неизвестным причинам, не дочитывают текст до конца и совсем не принимают во внимание содержательную часть классификации права по Ульпиану. При этом хорошо всем известный критерий представляет собой фразу вне контекста и потому никакой самостоятельной методологической роли не имеющую. В частности, Ульпиан дает точные и исчерпывающие пояснения относительно того, что нужно понимать под терминами «публичное» и «частное» право.

Публичное право, жрецы и децемвиры

«Публичное право, — пишет Ульпиан, — включает в себя священнодействия (*sacris*), служение жрецов (*sacerdotibus*) и положение магистратов (*magistratibus constitit*)» [9, с. 82, 83]. Как из этого содержания может последовать вывод о том, что отраслями публичного права

являются конституционное, уголовное, финансовое или тому подобное правовое образование, объяснить не представляется возможным. Но современная юриспруденция делает подобные умозаключения с удивительной легкостью.

Вместе с тем публичное право — это действительно свод неких правил, касающихся всех, «положения Рима». Но если современник под публичным правом понимает урегулированные на основе императивных норм отношения субординации между государством и гражданами, то для Ульпиана — это отношения совершенно иного порядка. Это отношения римской гражданской общины (всего Рима), с одной стороны, и богами, с другой стороны. Для того чтобы получить благоволение богов, необходимо было соблюдать правила, предусмотренные соответствующим соглашением с этим миром, ранее даже обозначавшимся специальным термином — *pax deorum*. Субъектный состав публичных правоотношений, по Ульпиану, — это Рим и боги, а не государство и подданные.

В советское время любой намек в научном тексте на значимость или простое упоминание элементов религиозного культа были неуместными, если не сказать недопустимыми. Наука считалась единственным объективным способом познания мира, а все остальное объявлялось устаревшим пережитком прошлого, отвергалось или замалчивалось. С учетом существовавших в то время идеологических установок эта позиция понятна. Но сейчас необходимо обращать внимание на эти вещи и нивелировать возникшие искажения, поскольку идеология зачастую уходила в разряд дополнительных умозаключений, менявших начальные значения передаваемой информации.

Применительно к рассматриваемой категории — публичному праву весь религиозный, жреческий, сакральный, божественный, метафизический контекст со временем исчез из научных работ, и не только из советских. Хотя именно на их примере этот процесс прослеживается нагляднее всего.

К примеру, О. С. Иоффе в «Юриспруденции Древнего Рима» писал: «Сами римляне, и в частности Цицерон, называют юристов советниками магистратов и граждан по правовым вопросам (*domus juris consulti totius oraculum civitatis*)» [10, с. 20]. Здесь мы видим «советский» вариант латыни, слегка «подправлен-

ный» атеистической идеологией. В русском варианте из высказывания Цицерона пропадает слово *oraculum*, а вместе с ним и передаваемый этим термином смысл. Между тем оракул (от лат. *oro* – говорю, прошу) – распространенная в древности форма прорицания, осуществляемая от имени божества специальным жрецом-прорицателем по запросу верующих. И это сфера профессиональных обязанностей древних юристов.

Согласимся, что с учетом этого содержания становится гораздо понятнее изречение Ульпиана: «По заслугам нас называли жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, воздвигаем понятия доброго и справедливого, отличая дозволенное от недозволенного, желая, чтобы добрые совершенствовались не только путем страха наказания, но и путем поощрения наградами, стремясь к истинной, если я не заблуждаюсь, философии, не мнимой» [9, с. 82, 83].

Вместе с тем выхолащивание начального содержания присуще не только советским доктринальным источникам. Достаточно обратиться к работам немецких коллег, чье отношение к римскому праву характеризуется особым пие-тетом, и мы видим ту же картину.

К примеру, профессор Вильфрид Бергманн во «Введении к пониманию германского Гражданского уложения» пишет: «Государство, на которое возложена функция по созданию правил социального общения, в первую очередь должно упорядочить правоотношения между гражданами и государством. Это осуществляется посредством публичного права, которое в принципе является императивным правом и устанавливает допустимые пределы вмешательства государства в дела граждан, с одной стороны, и обязанности государства перед гражданами – с другой» [8, с. VIII].

Приведенная цитата является примером современного представления о том, что нужно понимать под термином «публичное право». Аналогичные подходы транслируются и в современной российской юридической литературе (об этом подробнее см., например, [6, с. 11–59]). Добавим, что в современных условиях конвергенции частного и публичного права актуализируется узкоприкладная задача формирования нормативной платформы устойчивого государственно-частного партнерства. По справедливому замечанию В. Г. Го-

лубцова, «именно формат государственно-частного партнерства, как представляется, является наиболее приемлемым вариантом “вмешательства” государства в экономику и наиболее перспективным вариантом закрепления фактического взаимодействия государственных и частных материальных ресурсов в рамках совместной инвестиционной и иной деятельности» [5, с. 180].

Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство современных юристов, пишущих о дуализме права, не имеют в виду под публичным правом урегулированные с помощью норм отношения между отдельными государствами и покровительствующими «богами». Никто не исследует правила авгу-ского контроля за ауспициями¹ магистратов, к примеру, и тому подобные странные вещи. Собственно говоря, никто уже и не помнит, какие блага считались божественными и зачем они были нужны. Вместе с тем в античном мире не только в Древнем Риме к числу божественных благ, опосредовано приобретаемых путем использования божественных установлений, относились: разумение или знание; здоровое состояние души; справедливость и мужество.

Человеческие блага считались производными, зависящими от соблюдения божественных предписаний, и к ним относились здоровье, красота, сила и богатство (об этом подробнее см. Законы Платона [19, с. 78]).

В этом есть принципиальное отличие юриспруденции Древнего мира и современности в понимании значения термина «право». Ни боги, ни результаты божественных откровений, полученные непосредственно или опосредованно через священнодействия и жрецов, ни содержание молитв, ни значение ритуалов и т. д. современное правоведение не интересуют. Произошла десакрализация юридического знания. Правоведение стало светским, экзотерическим, доступным непосвященному.

Юриспруденция Древнего Рима изначально была эзотерична и, естественно, имела специфический категориальный аппарат. Древний юрист разбирался в понятиях, среди которых современный правовед едва ли найдет что-то знакомое. Для примера можно попробовать ра-

¹ Ауспиции – (лат. *Auspicium*) – гадание по полету священных птиц в древнем Риме.

зобратся в терминах «божественный», «сакральный», «священный», «святой», «религиозный». Ощутить разницу между прошлым и современным «понятийным оснащением» можно, попытавшись прокомментировать выдержку из книги второй «Институций» Гая, посвященной вещам и свойствам, где мы обнаруживаем указание на то, что к вещам божественного права относятся вещи священные и религиозные. А святыми вещами, «некоторым образом относящимися к вещам божественного права», являются, как это ни странно, «стены и ворота города» [9, с. 142, 143], словно люди их не строили, а, к примеру, только наследовали.

Итак, публичное право – это не нормотворчество магистратов, сенатов или царей. Непосредственный источник публичного права – боги или соглашения с ними. Опосредованный вариант того же источника – жрецы, оракулы, пифии и т. п. Многим известна фраза, которую приписывают Юлию Цезарю при переходе через Рубкон: «Жребий брошен». Но вряд ли кто-то из современников всерьез сможет отнестись к информации о том, что гаданиями, в том числе и подбрасыванием монет, могла выявляться воля богов, нарушить которую не осмеливался даже Цезарь. Хотя гадание являлось одним из распространенных способов «консультации» с богами и еще относительно недавно являлось частью подлинной юридической (жреческой) «профессии».

«Узнав волю богов», Цезарь уже не мог поступить иначе. Поэтому публичное право есть область сверхъестественных начал – не доступных смертным. Боги – важнейший регулятор поведения древних. Потеря контакта с ними вела к серьезным трудностям, в том числе и в законотворчестве античных государств.

Подобными обстоятельствами, в частности, можно объяснить и ситуацию, возникшую в Риме после изгнания рексов. Лишившись царей, зачастую выступавших и в роли первосвященников, древние римляне, как известно из повествования Дигест, не смогли самостоятельно написать для себя законы и погрязли в правовом хаосе.

Для решения возникшей проблемы они были вынуждены избрать специальных должностных лиц – децемвиров и отправили их в Грецию, где источник божественных знаний, очевидно, еще не был утрачен: «По изгнанию

царей все эти законы в силу закона трибуна потеряли силу, и римский народ снова начал более пользоваться неопределенным правом и некоторым обычаем, чем изданным законами такое положение существовало около 20 лет (с 471 по 451 г. до н. э.). Затем, чтобы положить этому конец, государственной власти было угодно назначить децемвиров, с тем чтобы они обратились к греческим государствам за законом и на законах основали (римское) государство» [9, с. 88, 89, 90, 91]. Именно так появляются Законы XII таблиц (451–450 гг. до н. э.), вырезанные на досках из слоновой кости и размещенные перед Рострами (на Форуме).

Описание процесса создания древних законов для греческих городов – государств мы можем найти в «Диалогах» и «Законах» Платона. В частности, в «Миносе», ссылаясь на Гомера и Гесиода, Платон, вкладывая соответствующие сведения в уста Сократа, повествует о том, что лучшими законами древности у эллинов были законоположения Крита и Лакедемона, установленные Миносом: «...Крит, а также Лакедемон во все времена процветают – стоило им только начать пользоваться этими законами, ибо они божественны» [19, с. 400].

Минос, по Платону, был сыном Зевса и Европы. То есть имел внеземное, божественное, происхождение и, кроме того, каждые девять лет посещал жилище Зевса, обучался, общался со своим отцом и, говоря современным языком, отчитывался о проделанной работе. Эта же информация дублируется в книге первой «Законов» Платона [20, с. 71–78].

На Крите, по свидетельству Гомера, проживало большое количество людей и располагалось около девяти десятков древних городов. Поэтому вероятность того, что римские децемвиры, отправившись в Грецию за законами для Рима, могли взять за основу божественные законоположения Миноса, приводящие пользователей к неизменному процветанию и использовавшиеся в многочисленных греческих городах, достаточно высока. Во всяком случае самый успешный спартанский законодатель Ликург в свое время поступил именно так. Правда, в российской учебной и научной литературе считается, что в основе греческих заимствований лежит афинское законодательство Солона. Об этом пишет, к примеру, проф. Л. Л. Кофа-

нов [13, с. 13]. Вместе с тем, учитывая судьбу самого Солона и последствия реформ¹, выбор его законов в качестве образца для подражания вряд ли мог иметь твердое логическое обоснование.

Справедливости ради необходимо заметить, что по мере изучения литературных источников начинает возникать подозрение на предмет того, что и в самой Греции возможность получения непосредственных божественных откровений во времена консультаций по поводу составления Законов XII таблиц, скорее всего, была уже утрачена или существенно затруднена. Судите сами. Именно в этот период, по свидетельству Плутарха, происходит переход от философии Пифагора и Эмпедокла (богатой ссылками «...на божье волеизъявление, на сны, видения ...») к поиску истины посредством чистых, незамутненных потусторонними вмешательствами, человеческих рассуждений. Зачинателем этого процесса Плутарх называет Сократа, который, по его словам, обещал научить всех «доброму посредством рассуждений». И хотя этот революционный методологический демарш стоил Сократу жизни, обвиненному, как известно, судом афинян в отказе от богов, драматизм и парадоксальность ситуации заключаются в другом.

Отказ от постижения божественных начал и непоколебимая приверженность Сократа новому способу получения знаний – «путем рассуждений» и пренебрежение «преисполненной мифами, призраками и суевериями» философией Пифагора и Эмпедокла в итоге выглядят достаточно странными, поскольку сам он всю жизнь, по свидетельству современников, пользовался услугами демона², который «в делах неясных и недоступных человеческому разумению... часто вступал в собеседование с Сократом, сообщая божественное участие его намерениям» [21, с. 491].

¹ Как известно, реформами Солона были недовольны как афинская знать, так и демос. Законы Солона просуществовали около 30 лет, после чего были отменены.

² См. об этом подробнее трактаты и диалоги Плутарха, например «О демоне Сократа». В этом произведении, в частности, со ссылкой на Гесиода автор приводит определение демона: «Боги украшают жизнь только немногих людей, тех, кого они пожелают сделать поистине блаженными и сопричастными божественности; а их души, освобожденные от рождения и не связанные с телом, как бы обретшие полную свободу, становятся демонами — хранителями людей».

Стоит отметить, что Платон, являясь учеником Сократа и будущим учителем Аристотеля, не последовал этим установкам и продолжал искать знания «традиционными» методами древних. К примеру, Платон после смерти Сократа в поисках мудрости совершает путешествие в Египет, где в течение 13 лет просвещается в жреческих святилищах Мемфиса и Гелиополиса (об этом подробнее см., например, [22, с. 46–55]).

В более долгосрочной перспективе замена управляющего божественного начала все же происходит, и уже на примере Александра Македонского – ученика Аристотеля мы видим победивший сократовский посыл, выразившийся в полном пренебрежении к традициям и авторитету прорицателей³.

Итак, древние римские юристы первоначально являлись жрецами, образовывали коллегии понтификов и монопольно владели правом контактировать с богами и комментировать божественные установления. Поэтому римское *jus publicum* есть право, установленное богами, или соглашением с богами, а не отрасли самостоятельно написанного права людей. В этом понимании писаными источниками публичного права скорее можно считать Ветхий и Новый Заветы, Коран, Скрижали Гермеса Трисмегиста и др. Публичное право в его истинном понимании есть сфера скорее не правовых, а морально-нравственных категорий (справедливость, мужество, добро).

Современное право, в том числе и то, которое мы привыкли называть правом публичным, есть право людское, представляющее собою итог референдумов, работы парламентов, законодательных собраний и т. п. Это варианты внутрисистемного самостоятельного управления, тогда как публичное право древности есть вариант внешнего, внесистемного, сверхъестественного начала.

Именно поэтому публичное право в его исконном понимании нельзя менять по воле людей (*jus publicum privatorum pactis mitari non potest*), ибо люди являются субъектами законо-

³ Имеется в виду предание о дельфийской пифии, к которой Александр Македонский применил силу не только для получения пророчества в неустановленное время, но и, фактически, заставил произнести вместо реального пророчества лишь то, что он хотел услышать.

творческой деятельности низшего порядка. Представляется, что именно из этого значения вытекают религиозный догматизм и строгие запреты на изменение источников публичного права, к примеру Корана. И у философов древности мы находим подтверждение и объяснение этому. Так, Платон в книге первой «Законов» пишет: «... в особенности превосходит один закон, запрещающий молодым людям исследовать, что в законах хорошо и что нет, и повелевающий всем единогласно и вполне единодушно соглашаться с тем, что в законах все хорошо, ибо они установлены богами...» [20, с. 82].

Этот принцип работает и сейчас, будучи перенесенным по аналогии на внутрисистемные вертикальные отношения. Нельзя, к примеру, подзаконным нормативным актом или договором отменить, изменить или дополнить федеральный закон. Во внутрисистемных, горизонтальных взаимодействиях работает диаметрально противоположное по смыслу положение – специальная, частная норма отменяет (вытесняет) общий закон (*lex specialis derogat generali*).

По мере ослабления связи, а потом, очевидно, и в результате полной утраты способности добиваться контакта с богами и доносить их мнения меняется и положение юристов в древнем обществе. В Риме этот процесс начинается примерно через сто лет после создания законов XII таблиц и связан с именем писца Гнея Флавия, сына вольноотпущенника, передавшего народу похищенную у коллегии понтификов книгу, представлявшую собой собрание форм отдельных категорий исков. И уже после этого сокращенная область профессиональных компетенций древних юристов стала похожа на современную юриспруденцию и свелась к трем основным задачам:

– *agere* – консультации по вопросам ведения судебных процессов;

– *cavere* – составление юридических актов (сделок, завещаний и других документов);

– *respondere* – ответы на вопросы магистратов, судей и отдельных частных лиц (об этом подробнее см. [10, с. 21–22]).

Власть понтификов закончилась, ибо «не является властью то, что могут все или многие» [46, S. 210, 211] и, как справедливо замечает О.С. Иоффе, к концу IV века до н.э. монополь-

ное господство в области права коллегии понтификов уступает место вытеснившей его светской юриспруденции [10, с. 19]. Произошли не только десакрализация, но и сужение предметной области юриспруденции.

Располагая в гомологическом ряду законодателей от древности до наших дней, мы получаем логическую цепочку лиц, первоначально обладавших и постепенно утрачивающих сокровенное божественное начало: боги, сыны божьи, жрецы (посредники между богами и людьми), юристы-философы, мудрецы, наместники богов, помазанники божьи (императоры, государи, базилевсы, цари и т. д.), ... современные парламентарии, сенаторы.

В конце списка «законотворцы» окончательно утрачивают представление о справедливости и уже не претендуют на божественную составляющую и истину в человеческих делах, о чем красноречиво свидетельствует современное российское законодательство. Оценивая отечественные законы всего лишь по одному качеству – частоте изменений, выводы об утерянных истинах напрашиваются сами собой.

Если право – это «доброта, справедливость и истина», то законы не могут так часто меняться. Истина неизменна. Она либо есть, либо нет. Именно по этой причине, по причине утраты сакральных начал, появляются «законодательная инфляция», «теневое право», «правовой нигилизм», «неправо», «девальвация права» и тому подобные явления, неизвестные ранним формам юриспруденции, а президент страны начинает говорить о верховенстве божественной власти (о проблемах эффективности правового регулирования в современной России (подробнее см., например, [3, с. 16–22; 4, с. 414–432])).

Надо сказать, что проблема потери метафизических, эзотерических основ права еще долгое время волновала юристов, вызывая к жизни исследования, касающиеся поиска новых источников, таких как чувство права, свободного правоведения, правосознания, правового убеждения, правового инстинкта, правовой интуиции и др.

Действительно, чем дальше от справедливости («божественной» составляющей) или объективной истины принимаемые законы, тем чаще они подвергаются корректировкам. И ши-

роко известное изречение Ф. Энгельса о римском праве лишь подтверждает этот вывод: «Римское право является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него ни каких существенных улучшений» [26, с. 412].

Как представляется, в современных научных исследованиях, посвящаемых публичному праву, должны найти свое место не только привычные, но и «забытые» в «юс натуралистическом» (естественно-правовом) типе правопонимания объекты, выведенные сегодня за рамки юридической науки. В результате подобной смены исследовательской парадигмы вполне может статься, что изучение мистерий и религиозных текстов Древнего Египта явится более коротким путем к познанию рецепта эффективного правотворчества, чем прочтение тысячи трудов юристов.

В заключение раздела о публичном праве хотелось бы заметить, что в российской науке (не только юриспруденции) практически отсутствуют исследования, посвященные реальному предмету древнего публичного права – магической, божественной, сакральной, ритуальной составляющей функциональной нагрузки древних юристов (понтификов, авгуров, фециалов и т. д.). Среди редких исключений, так или иначе затрагивающих эту проблематику из современных, можно назвать разве что работы проф. Л. Л. Кофанова и проф. А. М. Сморякова (см., например, [24, с. 157–171]).

Из дореволюционных авторов назовем проф. И. А. Покровского, в работах которого можем обнаружить упоминания и о «божеском праве» (*jus divinum*), и о священном (божественном) праве (*jus sacrum*), и о содержании и реальном значении категорий публичного права. Вызывает интерес следующее высказывание И. А. Покровского: «...область публичного права, область дел политических, не была свободна от разнообразных сакральных влияний. Наибольшее значение имел здесь институт *auspicia*, то есть религиозные гадания. Перед началом всякого сколько-нибудь значительного акта как каждый 19 отдельный гражданин, так и все государство в лице своих властей

предварительно старались узнать волю богов: благоприятствует ли она предполагаемому предприятию (созываемому народному собранию и т. п.) или нет. Средствами для познания этой воли богов были небесные знамения, поведение священных птиц и т. д. Но толкование этих признаков требовало опять-таки известных специальных знаний, и эти знания сохранялись и поддерживались в другой жреческой коллегии – авгуров. Подобно тому, как понтифики имели большое значение для вопросов гражданского права, так коллегия авгуров имела большой вес в области публичного права и в вопросах политики: объявив наблюдаемые предзнаменования неблагоприятными, авгуры могли затормозить любое государственное начинание» [23, с. 18–19].

Как мы видим, у И. А. Покровского еще не пропал религиозный подтекст в оценке содержания публичного права, которое также оценивается им как деятельность, фактически, политическая.

Действительно, необходимо сказать, что термин «публичный» был, как и многие другие юридические категории, многозначным и употреблялся в Дигестах и в иных значениях, что вполне могло повлиять на возникновение и формирование существующей путаницы со значениями римских понятий.

В частности, употребление слова «публичный» по тексту Дигест Юстиниана мы можем встретить, как минимум, еще в трех значениях: как элемент права публичного; как элемент права народов; как элемент гражданского права. В первом случае «публичное» означает общее для всех и относится к положению государства во взаимоотношениях с богами [9, с. 83, 84].

Во втором случае слово «публичный» есть синоним слова «общий» или словосочетания «ничей конкретно», «принадлежит совокупности или не принадлежит никому». Например, «пользование берегами является публичным на основании права народов, равно как пользование и самой рекой» [9, с. 144, 145]. Применительно к гражданскому праву термин «публичный» мог использоваться как «принадлежащий совокупности, а не отдельным лицам, например, находящимся в гражданских общинах театры, стадионы и т. п.» [9, с. 144, 145].

Понятие частного права в Дигестах Юстиниана

Наполняя конкретным содержанием термин «публичное право», Домиций Ульпиан сделал то же самое и с остальными элементами своей знаменитой классификации. Понятие частного права, к примеру, представлено им как совокупность трех элементов и это: право естественное (*jus naturale*); право народов (*jus gentium*); право цивильное (*jus civile*).

Теперь скажем о каждом из этих элементов. Естественное право, или право природы, представлено в Дигестах как общие правила или законы для всего живого. «Естественное право – это то, которому природа научила все живое». И ему, этому виду права, уточняет Ульпиан, подчиняются все: рыбы, птицы, звери... и, естественно, люди. «Сюда относится сочетание мужчины и женщины, которое мы называем браком, сюда же порождение детей, сюда же воспитание; мы видим, что животные, даже дикие, обладают знанием этого права» [9, с. 82, 83].

«Право народов – это то, которым пользуются народы человечества». И, далее по тексту, Дигесты содержат очень интересную фразу, заставляющую опять корректировать наши представления о центральных понятиях современного гражданского права: «Цивильное право не отделяется всецело от естественного права или от права народов и не во всем придерживается его; если мы что-либо прибавляем к общему праву или что-нибудь из него исключением, то мы создаем собственное т. е. цивильное право. Это наше право состоит или из писанного (права), или из неписанного...» [9, с. 82, 83].

Заметим, что в этой части Дигест термин «цивильное право» употреблен как синоним всего национального права, созданного людьми отдельного, независимого государства. Цивильное право – это любое законодательство страны.

Далее сравним эти исходные данные с тем, что современная¹ юриспруденция понимает под термином «частное право».

Определение частного права в трудах дореволюционных российских цивилистов

Д. И. Мейер

Обратиться к позиции Дмитрия Ивановича Мейера необходимо и важно по ряду причин, среди которых не только заслуженное признание его как «отца русского гражданского права», но и красноречивые факты его биографии, которые приводит проф. П. В. Крашенинников во вступительной статье «Дмитрий Иванович Мейер – отец русского гражданского права» к «Русскому гражданскому праву» Мейера, переизданному в 2019 г. издательством «Статут»: «Окончив институт (1841) с золотой медалью, “по плану Сперанского” он едет на стажировку в Германию, в Берлинский университет. Прекрасно владея языками, Дмитрий Иванович изучает гражданское право Германии, Франции, Австрии и, конечно же, римское право. Слушает лекции и наставления немецких профессоров, из которых, безусловно, стоит выделить и “великого учителя римского права” Фридриха Карла фон Савиньи, а также его последователя Георга Пухта. Наряду с юридическими науками также изучал философию и историю» [17, с. 5].

Таким образом, Д. И. Мейер учился у самых выдающихся пандектистов и знатоков римского права своего времени и, естественно, не избежал их влияния. В свою очередь, позиция Мейера по этому вопросу фактически сформировала отечественную цивилистическую традицию и определила понимание «частного права» во всей последующей отечественной юридической литературе. Представляет научный интерес позиция Д. И. Мейера относительно того, что следует понимать под частным правом. Деление римского права, по Мейеру, совершенно не соответствует классификации, описанной Домицием Ульпианом. «Римские юристы, – пишет отец русского гражданского права, – всю систему права (*jus civile*) разделяли на право публичное (*jus publicum*), частное (*jus privatum*) и священное (*jus sacrum*)... С уничтожением язычества *jus sacrum*, относившееся к языческому богослужению, было совершенно опущено из системы права и оставались на двучленном делении его на *jus*

¹ Под термином «современный» (по отношению к древнему миру) в данном случае понимается временной отрезок, состоящий из трех периодов развития отечественных представлений о частном праве: дореволюционный (пер-

вая половина XIX в. – 1917 г.), советский (1917–1991) и постсоветский (1991 г. – по настоящее время).

publicum и *jus privatum*. С разрушением власти римской на Западе утратило там значение и *jus publicum*. Но *jus privatum* сохранило силу в новых государствах Западной Европы и получило также название *jus civile* – название, означавшее, прежде всего, всю систему римского права» [17, с. 48, 49].

Таким образом, по мнению Д. И. Мейера, «цивильное право» есть самое объемное по содержанию понятие римского права, которое изначально объединяло и публичное, и частное, и сакральное. А впоследствии, в результате отбрасывания за ненадобностью отдельных его частей, превратилось в право частное. Цивильное право есть право частное. Именно эта позиция со времен Мейера транслируется в большинстве российских доктринальных источников до настоящего времени. Но если сравнить приведенную цитату с текстом Дигест, то «римское» деление права, по Мейеру, абсолютно не совпадает с тем, что там написано.

В Дигестах цивильное право упоминается как факультативная, дополняющая часть правовой системы, в основе своей состоящей из частей неподвластных коррекции со стороны людей – публичного и естественного права, а также наднациональных образований – общих для всех людей (права народов). Все указанные элементы странным образом либо ставятся Мейером в зависимость от национального законодательства (публичное и сакральное право у него являются составляющими частями цивильного права), либо не принимаются в расчет и даже не упоминаются. Такими не употребленными частями выступили у Д. И. Мейера право естественное и право народов.

К сожалению, Д. И. Мейер не оставил комментария к приведенной им классификации и не сослался на конкретный древнеримский источник, поэтому нам остается только недоумевать по поводу явного несоответствия этой позиции всему тому, о чем писали Ульпиан, Гермогениан, Папиниан и другие римские юристы в своих сочинениях, выдержки из которых вошли в Дигесты Юстиниана.

Тем не менее повторим это еще раз, что именно формула Д. И. Мейера «цивильное право есть право частное» нашла свое отражение в отечественном правоведении и в той или иной интерпретации присутствует в подавляющем большинстве современных постсоветских цивилистических источников.

И. А. Покровский

В отличие от Д. И. Мейера, пожалуй, второй по значимости знаток римского права в отечественном дореволюционном правоведении – Иосиф Александрович Покровский не раскрывал понятие «частное право» и не включал этот термин в какие-либо классификации. Вместе с тем на страницах одной из самых значимых своих работ, посвященных римскому праву («История римского права», 1917), он указывал на то, что цивильное право есть синоним права квиритского (*jus Quiritum*), т. е. система норм права исключительно «национально-римских», распространяющих свое действие только на граждан Рима – квиритов. Это утверждение позднее найдет поддержку в советских учебных изданиях и не раз будет воспроизведено проф. И. Б. Новицким в его неоднократно переизданных «Римском праве» и «Основах римского гражданского права».

Определение же цивильного права давалось проф. Покровским такое: «это есть совокупность норм, изданных законодательной властью и абсолютно обязательных как для граждан, так и для магистратов, и притом обязательных навсегда – до отмены».

Вторая составляющая системы римского (частного) права, по И. А. Покровскому, – преторское право (*jus honorarium*). Оно, напротив, есть «совокупность норм, изданных административной властью, действительных *de jure* только на один год и для самих органов этой власти только относительно обязательных (а до *lex Cornelia* – и вовсе необязательных)» [23, с. 54].

Описанное двухчленное деление римского права, по мнению И. А. Покровского, дополняется в период республики третьим элементом – правом народов (*jus gentium*). Но эти составные элементы далеко не равнозначны: «Как *jus civile*, так и *jus honorarium* простирались только на римских граждан, на *cives Romani*. Но во второй половине существования Римской республики, когда Рим делается центром всемирной торговли, туда стекаются массы неграждан, перегринов. Завязываются разнообразные деловые отношения с этими перегринами и между этими перегринами. Вместе с этим возникает потребность нормировать эти отношения. И вот римляне создают для них особую магист-

ратуру – *praetor peregrinus*. *Jus gentium* было лабораторией, в которой перерабатывались разнообразные нормы различных народов античного мира, сталкивавшиеся между собой на международном рынке, в одно интернациональное целое для того, чтобы затем переработать и самое римское право в духе той же интернациональности. Само собою разумеется, что *jus gentium* в только что указанном втором значении и *jus naturale* являются не какой-либо новой положительной системой норм наравне с *jus civile*, *jus honorarium* и *jus gentium* в обороте peregrinorum, а лишь первыми попытками юридической мысли в области философии права» [23, с. 55, 56].

Как видим, И. А. Покровский считал право народов «лабораторией», экспериментом и результатом переработки античных правовых норм различных государств в единое интернациональное целое. Фактически оно представлено И. А. Покровским как гражданское римское право, адаптированное к внешним условиям и применяющее свои установления к новым субъектам – peregrinorum.

Что касается «естественного права», то оно выведено за рамки юридической практики и помещено в область первых теоретических опытов юриспруденции в области философии права. Такова позиция И. А. Покровского.

В общих чертах, как мы видим, он придерживается классификации Ульпиана, слегка «поправив» последнего преторским правом и придав остальным составляющим ее элементам разное значение и функциональную нагрузку. Публичное право «ушло» в область политики. Гражданское и преторское право образовало национальную правовую систему. Право народов – адаптированная к внешней среде римская национальная правовая платформа, а естественное право – вообще не право, а попытка юристов потеоретизировать в области философии.

Г. Ф. Шершеневич

Публичное право, по мнению Габриэля Феликсовича Шершеневича, в глазах римлян обладало нераздельным единством, но в настоящее время из-за количественного роста норм «...само раскалывается на части. Это деление норм права наблюдается как в самой жизни, так и в государственных науках, занимающихся их изучением. В публичном праве

обособляется прежде всего та часть норм, которая определяет строение государства. Речь идет не о социологическом существе государства, а о правилах, на которых основывается организация власти в государстве. Это – государственное право». К числу публичных отраслей Г. Ф. Шершеневич также отнес административное право, финансовое, уголовное и судебное [25, с. 475]. По мнению Г. Ф. Шершеневича, «в области частного права не замечается такой дифференциации, как в области публичного права. Почти вся она занята гражданским правом. Рядом с гражданским правом выдвинулось в области частного права торговое право» [25, с. 480–482].

Таким образом, структура публичного права, по Шершеневичу, состоит из конституционного, административного, финансового, уголовного и судебного права. Право частное дуально и включает гражданское и торговое право.

Современные представления о дуализме права в постсоветской юридической литературе

Анализ многочисленной зарубежной научной литературы позволяет заключить, что тема, поднятая в рамках данной научной статьи, относится к числу обсуждаемых и в зарубежной юриспруденции. Так, ученые исследуют вопросы: взаимодействия публичного и частного права [27; 45; 47; 49]; гармонизации публичного и частного права [29; 38; 42]; преодоления разрыва между ними [51]; содержания таких категорий, как «публичный интерес» [30; 41; 43], «публичная жизнь» [28; 36], «частный интерес» [50]; значения публичного права в современном международном и национальном пространстве [33; 35] и т. д. О научном интересе к различным аспектам проблемы «стыка» частного и публичного права говорят многочисленные публикации [31; 32; 34; 37; 39; 40; 44].

В юридической литературе современной России также не сформировалось единого мнения по поводу того, что представляет собой публичное и частное право. Отсутствие «общего знаменателя» порождает бесконечное многообразие теоретических конструкций и, естественно, не позволяет выработать четкую и согласованную позицию в этом вопросе. Вот некоторые из известных российской цивилистике определений терминов «частное право», «пуб-

личное право» и соответствующая структура этих понятий.

Проф. Т. В. Кашанина относит к публичному праву «референдумные» и законодательные нормы, а к частному праву – корпоративные и договорные правила поведения, т. е. те нормы, которые формируются частными субъектами самостоятельно, без непосредственного участия государства или обществ в целом [11, с. 20–24].

В учебнике гражданского права под редакцией проф. Б. М. Гонгало предлагается другое толкование. По его мнению, термин «частное право» не стоит сводить только к праву гражданскому: этот термин необходимо трактовать расширительно. И если к отраслям публичного права авторами учебника отнесены «конституционное (государственное) право, административное право, судебное право, финансовое и налоговое право, право социального обеспечения, уголовное право, а также природоохрнительное право», то к частным отраслям «относится прежде всего гражданское право, а также семейное, трудовое, природоресурсное право» [7, с. 66].

Структура частного права, предложенная уральской школой цивилистики, вызывает возражение у проф. М. Н. Кузнецова, который пишет: «Частное право, в отличие от публичного, регулирует отношения, обеспечивающие частные интересы, автономию и инициативу индивидуальных (частных) собственников и их объединений в их имущественной деятельности и личных отношениях. К частному праву относятся гражданское право, регулирующее имущественные и личные неимущественные отношения, семейное право, а также торговое право» [14, с. 235].

Отличную от предыдущих точку зрения транслирует в своих работах доцент В. В. Васильев, считая, что современное гражданское право имеет смешанную, двойную – частно-публичную природу и его уже невозможно сводить к понятию частного права: «частное право является по своей юридической природе однородным массивом правовых норм диспозитивной направленности и такая однородная направленность правовых норм уже не может эффективно регулировать широкий круг меняющихся общественных отношений... Современное гражданское право – это особый сим-

биоз частноправовых и публичноправовых норм» [2, с. 35].

О произошедшей дифференциации гражданского законодательства и коммерциализации гражданского права, а следовательно, и неизбежности отхода от теории жесткого дуализма пишут и проф. Е. Г. Комиссарова, проф. О. А. Кузнецова [12, с. 656–661].

Список примеров различных теоретических конструкций, которые «используют» критерий Ульпиана, но при этом совершенно не соотносятся ни между собой, ни с подлинным содержанием древнеримских положений, можно продолжать. Как мы видим, все они, по большей части, основаны на авторских определениях права (частного, публичного, гражданского). Поэтому предлагать подобные схемы можно до бесконечности.

Результаты сопоставления классификации Ульпиана с позициями доктринальных современных источников

В отличие от Древнего Рима законы природы не входят в круг интересов современной юриспруденции и не рассматриваются как предмет частного права. Теперь естествознанием занимаются представители других специальностей, далеких от юриспруденции и даже не попадающих в сферу действия гуманитарных наук. Однако утверждать, что соответствующие регламентации не продублированы писанным гражданским правом отдельных государств, не стоит. Это тема отдельного исследования.

Право народов, напротив, осталось в орбите интересов современной светской юриспруденции, но теперь разбросано по предметам нескольких отраслей. Что касается «ведения войны, разделения народов, основания царств...» (Гермогениан, 1-я книга «Краткого изложения права») [9, с. 84, 85], то эти вопросы образуют сферу международного публичного права. А вот вопросы, касающиеся «...построения зданий, торговли, купли и продажи, найма, обязательств, за исключением тех, которые введены гражданским правом» [9, с. 84, 85], теперь являются предметом международного частного права.

Таким образом, изначальное содержание древнеримского «частного права» не только не соответствует современному пониманию, но и содержательно разнесено по нескольким отрас-

лям, в том числе и имеющим в своем названии слово «публичное». То есть право, изначально частное по содержанию и по форме, превращено сегодня, без всяких на то оснований, в право публичное. К примеру, кража, будучи прерогативой частного права в Древнем Риме, сейчас тоже воспринимается как элемент, бесспорно, публичный.

Право гражданское – последнее из элементов системы частного права, по Ульпиану, также не избежало трансформаций. Гражданское право в современной доктрине используется как синоним права гражданского. При этом все цивилисты знают, что этот «дословный» перевод совершенно не синонимичен переводимой латыни.

Что имеется в виду? *Jus civile* – это право, распространявшее свое действие на граждан Рима – квиритов и поэтому синоним этого термина не право гражданское, а право квирическое – *jus quiritium*. Современное гражданское право регулирует отношения не только с участием граждан конкретного государства, но распространяет свое действие, как правило, на более широкий круг субъектов. В соответствии со статьей 2 Гражданского кодекса РФ, к примеру, среди субъектов гражданских правоотношений указаны физические (граждане РФ, иностранные граждане, апатриды), юридические лица (в том числе иностранные) и публичные образования (РФ, субъекты РФ и муниципальные образования).

Современное «гражданское право», считал в свое время проф. И. Б. Новицкий, больше соответствует совокупности трех древнеримских систем – гражданскому праву, праву народов и преторскому праву [18, с. 7]. Наиболее подходящим для объединения указанной совокупности проф. И. Б. Новицкий видел термин «частное право». Этот подход является превалирующим для современной цивилистики. Гражданское право признается ядром, основой, а иногда и воплощением частного права.

С этим подходом вряд ли безоговорочно можно соглашаться, если учитывать древнеримскую трактовку этой категории. Во-первых, частное право, как мы выяснили, это право естественное (природное право), право народов (общее для всего человечества) и право граждан, гражданское право (национальное право конкретного государства).

Во-вторых, о преторском праве в классификации Ульпиана не сказано ни строчки. Более того, Папиниан во 2-й книге «Определения» указывал: гражданское право – это то, которое происходит из законов, плебисцитов, сенат-консультов, декретов принцепсов, мнений мудрецов; преторское право – это то, которое ввели преторы для содействия гражданскому праву или для его дополнения или исправления в целях общественной пользы; оно называется также в честь преторов *jus honorarium* [9, с. 84–87].

Таким образом, преторское право, исходя из содержания процитированного фрагмента Дигест, больше напоминает современные подзаконные нормативные акты (вводится для содействия гражданскому праву). Поэтому с позицией проф. И. А. Покровского, предлагавшего считать *jus honorarium* составной частью римского частного права наряду с *jus civile*, можно поспорить, поскольку и по значению, и по сроку действия, и, самое главное, по сути преторское право не «дотягивает» до качества законоположений. Преторы хотя и творят, постановляют право, но все же это более соответствует актам правоприменения. В этой связи показательно вспомнить цитированное мнение Юлия Павла из 14-й книги «Комментариев к Сабину» о ситуации, когда претор выносит несправедливое решение. В этом случае право как бы дистанцируется от постановления претора, лишая последнего качества справедливого установления.

В-третьих, говоря о гражданском или гражданском праве, мы должны понимать, что сравниваем термины фактически противоположных полюсов правопонимания. Однако сравнивать их некорректно. Это совершенно разные понятия.

Вот какое, к примеру, «юс натуралистическое» и по сути сугубо каузальное определение гражданского права у древних дает Павел: гражданское право – «это то, что полезно всем или многим в каждом государстве» [9, с. 86, 87]. Значительно отличается от этого определения современное представление о гражданском праве. Гражданское право есть совокупность норм, регулирующих имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие между равными субъектами, наделенными автономной волей, и действующие сообразно собственному интересу. В одном определении есть морально-нравственный критерий, позволяющий определять качество права, а в другом – нет.

Выводы

1. Содержательная часть основных понятий современной теории правового дуализма (публичное и частное право) не соответствует содержанию древнеримских аналогов, представляя собой искаженный до неузнаваемости исходный информационный сигнал. Необходимо отметить, что потеря первоначального смысла настолько критична, что фактически изменяет производный «юс натуралистический» (естественно-правовой) тип правовопонимания древних на неопозитивизм или нормативизм современности.

2. Критерий Ульпиана не является и никогда не являлся самостоятельной методологической конструкцией и должен использоваться только с учетом конкретного содержания, которое вкладывал автор в понятия «публичное право» и «частное право»: сфера публичного права – это «священнодействия, деятельность жрецов и положения магистратов»; право частное – совокупность трех элементов: права естественного, права народов и права гражданского.

3. Изначальное содержание термина «частное право» как совокупности трех взаимосвязанных между собою частей (естественного права, права народов и права гражданского) не используется современным правоведением. Исследование современных доктринальных источников на предмет соответствия предлагаемых классификаций права по критерию Ульпиана не выявило совпадений с первоначальным смыслом Дигест Юстиниана.

4. Гражданское право, по определению Дигест, есть право национальное, собственно государственное и не сводящееся к регламентации исключительно горизонтальных имущественных и личных неимущественных отношений между равными субъектами, наделенными автономной волей и действующими согласно собственному интересу. По своему содержанию этот термин гораздо шире гражданского, семейного трудового и любого другого права, поскольку включает в себя все эти виды государственных предписаний.

5. Определение гражданского права, данное в Дигестах Юстиниана как «права полезного всем или многим в отдельном государстве» содержит критерий, который позволяет отделять право от «неправа», закон от произвола, спра-

ведливость от несправедливости. В силу этого качества древнее определение заметно превосходит большинство современных теоретических конструкций.

6. Современная юриспруденция является десакрализованной, экзотерической и предельно «сокращенной» копией древней аналогии, из предмета которой изъяты «познание божественных дел» и «наука о справедливом и несправедливом». В результате подобного выхода из цивилизации современная юриспруденция страдает определенной социальной дисфункцией и зачастую вынуждена работать с источниками, лишенными смыслов.

7. Возврат истины в содержательную часть основных категорий классификации Ульпиана (право, публичное, частное, гражданское, сакральное) не только придаст новый импульс и нужное направление научным исследованиям, но и позволит сократить бесполезно-избыточный информационный массив юридической литературы, нормативно-правовых актов и других источников, выступающих в качестве объектов или предметов цивилистических исследований.

Библиографический список

1. Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения: пер. с чеш. М.: Юрид лит., 1989. 448 с.
2. Васильев В. В. Гражданское право в системе: право частное-право публичное // Право и государство: теория и практика. 2013. № 12(108). С. 32–36.
3. Воронцов С. Г. К вопросу о проблеме эффективности правового регулирования в современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 3. С. 16–22.
4. Воронцов С. Г. Модель коммуникации Г. Д. Лассуэлла как элемент методологии цивилистических исследований / Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. ст. М., 2019. С. 414–432.
5. Голубцов В. Г. Совершенствование правового регулирования отношений в сфере государственно-частного партнерства на современном этапе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 1. С. 179–188.
6. Голубцов В. Г. Сочетание публичных и частных начал в регулировании вещных отно-

шений с участием государства. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 249 с.

7. *Гражданское право: учебник*; в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. 511 с.

8. *Гражданское уложение Германии* = Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einföhrungsgesetz: введ. Закон к Гражд. уложению; пер. с нем. / сост. и введ. В. Бергманна; науч. ред. А. Л. Маковский [и др.]. 2-е изд., доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. 816 с.

9. *Дигесты Юстиниана* / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. 584 с.

10. *Иоффе О. С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории хозяйственного права. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2003. 782 с.

11. *Кашанина Т. В.* Частное право в структуре права // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1(7). С. 20–24.

12. *Комиссарова Е. Г., Кузнецова О. А.* К вопросу о внутреннем строении современного частного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 42. С. 644–663. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-644-663.

13. *Кофанов Л. Л.* Римское право: учеб. пособие. М.: РГУП, 2019. 274 с.

14. *Кузнецов М. Н.* Понятие «частное» в международном частном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 2(24). С. 234–242.

15. *Ленин В. И.* О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 44.

16. *Макеев В. В., Головкин А. Г.* Частное право Древнего Рима: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов на/Д.: Изд. центр «МарТ», 2002. 256 с.

17. *Мейер Д. И.* Избранные труды: в 2 т. / вступ. слово д-ра юрид. наук, проф. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2019. Т. 1. 848 с.

18. *Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1972. 296 с.

19. *Платон.* Диалоги / пер. с древнегр.; сост., ред. и автор вступ. статьи А. Ф. Лосев; автор примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1998. 607 с.

20. *Платон.* Законы / пер. с древнегр.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. А. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1999. 832 с.

21. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Трактаты и диалоги / пер. с древнегр.; сост. С. Аверинцева, вступ. ст. А. Лосева, коммент. А. Столярова. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1997. 672 с.

22. *Поздняков С. Н.* Платон и древнеегипетские представления о бессмертии души: к проблеме влияния // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, вып. 3. С. 46–55.

23. *Покровский И. А.* История римского права. Минск: Харвест, 2002. 528 с.

24. *Сморчков А. М.* Августинский контроль над ауспигиями магистратов: теория и реальность // Античный мир и археология: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 157–171.

25. *Шершеневич Г. Ф.* Избранное: в 6 т. / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016. Т. 4. 752 с.

26. *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.

27. *Arroyo D. P. Fernandez, Mbengue, Makane Moise.* Public and Private International Law in International Courts and Tribunals: Evidence of an Inescapable Interaction // Columbia Journal of Transnational Law. 2018. Vol. 56, Issue 4. Pp. 797–854.

28. *Barnes J.* An Expanding Frontier of Administrative Law: The Public Life of Private Actors // European Public Law. 2018. Vol. 24, Issue 3. Pp. 595–612.

29. *Bentley N.* War on Two Fronts: Harmonising the Public and Private Enforcement of Australia's Corporate Disclosure Laws // Company and Securities Law Journal. 2016. Vol. 34, Issue 8. Pp. 567–598.

30. *Brekoulakis S. Devaney M.* Public-Private Arbitration and the Public Interest under English Law // Modern Law Review. 2017. Vol. 80, Issue 1. Pp. 22–56.

31. *Cherednychenko O. O.* Rediscovering the Public/Private Divide in EU Private Law // European Law Journal. 2019. DOI: 10.1111/eulj.12351.

32. *Darmon E.; Le Texier Th.* Private or Public Law Enforcement? The Case of Digital Anti-Piracy Policies with Illegal Non-Monitored Behaviors // Review of Network Economics. 2016. Vol. 15, Issue 4. Pp. 169–210.

33. *Elia Antonio M.* Private Actors, Public Authorities and the Relevance of Public Law in the Process of European Standardization // *European Public Law*. 2018. Vol. 24, Issue 3. Pp. 473–489.

34. *Erkan G. H.; Avar A. A.* Clash of Public Law and Private Law as Results of Protocol – Governed Planning: The ‘Izmir Basmane World Trade Center’ Case // *Planlama-Planning*. 2017. Vol. 27, Issue 2. Pp. 152–168.

35. *Flikschuh K.* A Regime of Equal Private Freedom? Individual Rights and Public Law in Ripstein’s Force and Freedom // *Law and Practical Reason*. 2017. Pp. 55–74.

36. *Hattab M. K.* The Doctrine of Legitimate Expectation & Proportionality: A Public Law Principle Adopted into the Private Law of Employment // *Liverpool Law Review*. 2018. Vol. 39, Issue 3. Pp. 239–264.

37. *Henriksson L.* Private Enforcement of Public Law – An Inconsistent Approach to Remedies? // *Swedish Studies in European Law*. 2019. Vol. 12. Pp. 79–95.

38. *Himsworth Ch.* Transplanting Irrationality from Public to Private Law: *Braganza v BP Shipping Ltd* // *Edinburgh Law Review*. 2019. Vol. 23, Issue 1. Pp. 1–21.

39. *Krajewska A.* Transnational Health Law Beyond the Private/Public Divide: The Case of Reproductive Rights // *Journal of Law And Society*. 2018. Vol. 45. Pp. 220–244.

40. *Kysar D. A.* The Public Life of Private Law: Tort Law as a Risk Regulation Mechanism // *European Journal of Risk Regulation*. 2018. Vol. 9, Issue 1. Pp. 48–65.

41. *Mallik Ch.* Public-Private Discord in the Land Acquisition Law: Insights from Rajarhat in India // *Singapore Journal of Tropical Geography*. 2018. Vol. 39, Issue 3. Pp. 401–420.

42. *Mankowski P.* Linkages and Boundaries in Private and Public International Law // *Rabels Zeitschrift Fur Auslandsches Und Internationales Privatrecht*. 2019. Vol. 83, Issue 3. Pp. 706–712.

43. *Morris R.* Public Law And Private Initiative The Wider Context Of Local Legislation // *Local Government, Local Legislation: Municipal Initiative In Parliament From 1858–1872*. 2017. Pp. 109–139.

44. *Otis Gh.* Aboriginal Rights at the Crossroads of Public and Private Law: The Case of the Extractive Industry // *Cahiers De Droit*. 2019. Vol. 60, Issue 2. Pp. 451–490.

45. *Pavesi P.* Descartes and the laws of charity. Public and private law in the Letter to Voetius // *Revista De Filosofia-Madrid*. 2019. Vol. 44, Issue 2. Pp. 193–209.

46. *Seckel E.* Die Gestaltungsrechte des bürgerlichen Rechts, Festgabe für Koch. 1903. 205 S.

47. *Smith L. J.* Private Law, Public Law, Metalegal and Public Policy in Space: A Liber Amicorum in Honor of Ernst Fasan // *Air & Space Law*. 2017. Vol. 42, Issue 1. Pp. 101–103.

48. *Sokolowski P.* Die Mandatbürgerschaft nach römischen und gemeinen Recht. Halle, 1891.

49. *Spickermann W.* Public and Private in Ancient Mediterranean Law and Religion // *Historische Zeitschrift*. 2017. Vol. 304, Issue 2. Pp. 465–466.

50. *Wan W. Y., Chen Ch., Goo S. H.* Public and Private Enforcement of Corporate and Securities Laws: An Empirical Comparison of Hong Kong and Singapore // *European Business Organization Law Review*. 2019. Vol. 20, Issue 2. Pp. 319–361.

51. *Wils W. P. J.* Private Enforcement of EU Antitrust Law and Its Relationship with Public Enforcement: Past, Present and Future // *World Competition*. 2017. Vol. 40, Issue 1. Pp. 3–45.

References

1. *Bartoshek M.* *Rimskoe pravo: (Ponyatiya, terminy, opredeleniya): Per. s cheshsk. [Roman Law: (Concepts, Terms, Definitions): transl. from Czech]*. Moscow, 1989. 448 p. (In Russ.).

2. *Vasil'ev V. V.* *Grazhdanskoe pravo v sisteme: pravo chastnoe-pravo publichnoe [Civil Law in the System of 'Private Law-Public Law']*. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: The Theory and Practice*. 2013. Issue 12(108). Pp. 32–36. (In Russ.).

3. *Vorontsov S. G.* *K voprosu o probleme effektivnosti pravovogo regulirovaniya v sovremennoy Rossii [On the Issue of Legal Regulation Efficiency in Modern Russia]*. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2012. Issue 3. Pp. 16–22. (In Russ.).

4. *Vorontsov S. G.* *Model' kommunikatsii G. D. Lassuella kak element metodologii tsivilisticheskikh issledovaniy [The Communication Model of H. D. Lasswell as an Element of Methodology of Civil Researches]*. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy:*

Sbornik nauchnykh statey [Methodological Problems of the Civil Researches: Collection of Scientific Articles]. 2019. Pp. 414–431. (In Russ.).

5. Golubtsov V. G. *Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya otnosheniy v sfere gosudarstvenno-chastnogo partnerstva na sovremennom etape* [Improving the Legal Regulation of Relations in the Sphere of Public-Private Partnership at the Present Stage]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2014. Issue 1. Pp. 179–188. (In Russ.).

6. Golubtsov V. G. *Sochetanie publichnykh i chastnykh nachal v regulirovanii veshchnykh otnosheniy s uchastiem gosudarstva. 2-e izd.* [Combination of Public and Private Principles in the Regulation of Property Relations with Participation of the State. 2nd ed.]. St. Petersburg, 2005. 249 p. (In Russ.).

7. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 2 t. / Pod red. B. M. Gongalo* [Civil Law: Textbook. In 2 vols.; ed. by B. M. Gongalo]. Moscow, 2016. Vol. 1. 511 p. (In Russ.).

8. *Grazhdanskoe ulozhenie Germanii = Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einföhrungsgesetz: vvod. Zakon k Grazhd. Ulozheniyu; per. s nem./ [V. Bergmann vved., sost.]; nauch. redaktory A.L. Makovskiy [i dr.]. 2-e izd., dop.* [German Civil Code = Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einföhrungsgesetz: Introductory Law to Civil Code; transl. from Germ.; comp. by V. Bergmann; ed. by A. L. Makovskiy et al. 2nd ed., enlarged]. Moscow, 2006. Vol. VIII. 816 p. (In Russ.).

9. *Digesty Yustiniana / per. s lat.; otv. red. L. L. Kofanov* [The Digest of Justinian; transl. from Latin; ed. by L.L. Kofanov]. Moscow, 2002. 584 p. (In Russ.).

10. Ioffe O. S. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: iz istorii tsivilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «khozyaystvennogo prava».* 2-e izd., ispr. [Selected Works on Civil Law: from the History of Civil Thought. Civil Legal Relationship. Criticism of the Theory of Economic Law. 2nd ed., revised]. Moscow, 2003. 782 p. (In Russ.).

11. Kashanina T. V. *Chastnoe pravo v strukture prava* [Private Law in the Structure of Law]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* – Leningrad Law Journal. 2007. Issue 1(7). Pp. 20–24. (In Russ.).

12. Komissarova E. G., Kuznetsova O. A. *K voprosu o vnutrennem stroenii sovremennogo chastnogo prava* [On the Internal Structure of Modern Private Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 4(42). Pp. 644–663. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-644-663. (In Russ.).

13. Kofanov L. L. *Rimskoe pravo: uchebnoe posobie* [Roman Law: Study Guide]. Moscow, 2019. 274 p. (In Russ.).

14. Kuznetsov M. N. *Ponyatie «chastnoe» v mezhdunarodnom chastnom prave* [The Notion of ‘Private’ in Private International Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2014. Issue 2(24). Pp. 234–242. (In Russ.).

15. Lenin V. I. *O zadachakh Narkomyusta v usloviyakh novoy ekonomicheskoy politiki* [On the Tasks of the People’s Commissariat for Justice under the New Economic Policy]. *Polnoe sobranie sochineniy. Izdanie pyatoye* [Complete Works. Fifth edition]. Moscow, 1970. Vol. 44. (In Russ.).

16. Makeev V. V., Golovko A. G. *Chastnoe pravo Drevnego Rima: uchebnoe posobie. (2-e izd.)* [Private Law of Ancient Rome: Textbook. (2nd ed.)]. Rostov-on-Don, 2002. 256 p. (In Russ.).

17. Meyer D. I. *Izbrannye trudy: v 2 t. / vstupit. slovo d-ra yurid. nauk, prof. P. V. Krashenninnikova* [Selected Works: in 2 vols.; prefaced by P. V. Krashenninnikov]. Moscow, 2019. Vol. 1. 848 p. (In Russ.).

18. Novitskiy I. B. *Osnovy rimskogo grazhdanskogo prava* [Basics of Roman Civil Law]. Moscow, 1972. 296 p. (In Russ.).

19. Plato. *Dialogi / per. s drevnegrech.; sost., red. i avtor vstupit. stat’i A. F. Losev; avtor primech. A. A. Takho-Godi* [Dialogues; transl. from Ancient Greek; ed. by A. F. Losev; notes by A.A. Takho-Godi]. Moscow, 1998. 607 p. (In Russ.).

20. Plato. *Zakony / per. s drevnegrech.; obshch. red. A. F. Loseva, V. A. Asmusa, A. A. Takho-Godi* [Laws; transl. from Ancient Greek; ed. by A. F. Losev, V. A. Asmus, A. A. Takho-Godi]. Moscow, 1999. 832 p. (In Russ.).

21. Plutarch. *Sravnitel’nye zhizneopisaniya. Traktaty i dialogi / per. s drevnegrech. Sost. S. Averintseva, vstup. stat’ya A. Loseva, komment. A. Stolyarova* [Comparative Biographies. Treatises and Dialogues; transl. from Ancient Greek; comp.

by S. Averintseva; prefaced by A. Losev; comment. by A. Stolyarov]. Moscow, 1997. 672 p. (In Russ.).

22. Pozdnyakov S. N. *Platon i Drevne-egipetskie predstavleniya o bessmertii dushi: k probleme vliyaniya* [Plato and Ancient Egyptian Ideas on the Immortality of the Soul: on the Problem of Influence]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* – Herald of the Russian Christian Academy for the Humanities. 2010. Vol. 11, Issue 3. Pp. 46–55. (In Russ.).

23. Pokrovskiy I. A. *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman Law]. Minsk, 2002. 528 p. (In Russ.).

24. Smorchkov A. M. *Avgurskiy kontrol' nad auspitsiyami magistratov: teoriya i real'nost'* [The Augural Control over the Magistrate's Auspices: Theory and Reality]. *Antichnyy mir i arkheologiya* – Ancient World and Archaeology. 2006. Issue 12. Pp. 157–171. (In Russ.).

25. Shershenevich G. F. *Izbrannoe: V 6 t.* [Selected Works: In 6 vols.]. Prefaced, comp. by P. V. Krashenninikov. Moscow, 2016. Vol. 4. 752 p. (In Russ.).

26. Engels F. *O razlozhenii feodalizma i vozniknovenii natsional'nykh gosudarstv* [On the Decay of Feudalism and the Emergence of National States]. *Sochineniya*. 2-e izd. / Marks K., Engels F. [Works. 2nd ed.; K. Marx, F. Engels]. Vol. 21. (In Russ.).

27. Fernandez Arroyo D. P., Mbengue M. M. Public and Private International Law in International Courts and Tribunals: Evidence of an Inescapable Interaction. *Columbia Journal of Transnational Law*. 2018. Vol. 56, Issue 4. Pp. 797–854. (In Eng.).

28. Barnes J. An Expanding Frontier of Administrative Law: The Public Life of Private Actors. *European Public Law*. 2018. Vol. 24, Issue 3. Pp. 595–612. (In Eng.).

29. Bentley N. War on Two Fronts: Harmonising the Public and Private Enforcement of Australia's Corporate Disclosure Laws. *Company and Securities Law Journal*. 2016. Vol. 34, Issue 8. Pp. 567–598. (In Eng.).

30. Brekoulakis S., Devaney M. Public-Private Arbitration and the Public Interest under English Law. *Modern Law Review*. 2017. Vol. 80, Issue 1. Pp. 22–56. (In Eng.).

31. Cherednychenko O. O. Rediscovering the Public/Private Divide in EU Private Law.

European Law Journal. 2019. DOI: 10.1111/eulj.12351. (In Eng.).

32. Darmon E., Le Texier T. Private or Public Law Enforcement? The Case of Digital Anti-Piracy Policies with Illegal Non-Monitored Behaviors. *Review of Network Economics*. 2016. Vol. 15, Issue 4. Pp. 169–210. (In Eng.).

33. Eliantonio M. Private Actors, Public Authorities and the Relevance of Public Law in the Process of European Standardization. *European Public Law*. 2018. Vol. 24, Issue 3. Pp. 473–489. (In Eng.).

34. Erkan G. H., Avar A. A. Clash of Public Law and Private Law as Results of Protocol – Governed Planning: The 'Izmir Basmane World Trade Center' Case. *Planlama-Planning*. 2017. Vol. 27, Issue 2. Pp. 152–168. (In Eng.).

35. Flikschuh K. A Regime of Equal Private Freedom? Individual Rights and Public Law in Ripstein's Force and Freedom. *Law and Practical Reason*. 2017. Pp. 55–74. (In Eng.).

36. Hattab M. K. The Doctrine of Legitimate Expectation & Proportionality: A Public Law Principle Adopted into the Private Law of Employment. *Liverpool Law Review*. 2018. Vol. 39, Issue 3. Pp. 239–264. (In Eng.).

37. Henriksson L. Private Enforcement of Public Law – An Inconsistent Approach to Remedies? *Swedish Studies in European Law*. 2019. Vol. 12. Pp. 79–95. (In Eng.).

38. Himsworth Ch. Transplanting Irrationality from Public to Private Law: *Braganza v BP Shipping Ltd*. *Edinburgh Law Review*. 2019. Vol. 23, Issue 1. Pp. 1–21. (In Eng.).

39. Krajewska A. Transnational Health Law beyond the Private/Public Divide: The Case of Reproductive Rights. *Journal of Law and Society*. 2018. Vol. 45. Pp. 220–244. (In Eng.).

40. Kysar D. A. The Public Life of Private Law: Tort Law as a Risk Regulation Mechanism. *European Journal of Risk Regulation*. 2018. Vol. 9, Issue 1. Pp. 48–65. (In Eng.).

41. Mallik Ch. Public-Private Discord in the Land Acquisition Law: Insights from Rajarhat in India. *Singapore Journal of Tropical Geography*. 2018. Vol. 39, Issue 3. Pp. 401–420. (In Eng.).

42. Mankowski P. Linkages and Boundaries in Private and Public International Law. *Rabels Zeitschrift für Ausländisches und Internationales Privatrecht*. 2019. Vol. 83, Issue 3. Pp. 706–712. (In Eng.).

43. *Morris R.* Public Law and Private Initiative: The Wider Context of Local Legislation. Local Government, Local Legislation: Municipal Initiative in Parliament from 1858–1872. 2017. Pp. 109–139. (In Eng.).

44. *Otis G.* Aboriginal Rights at the Crossroads of Public and Private Law: The Case of the Extractive Industry. *Cahiers de Droit*. 2019. Vol. 60, Issue 2. Pp. 451–490. (In Eng.).

45. *Pavesi P.* Descartes and the Laws of Charity. Public and Private Law in the Letter to Voetius. *Revista de Filosofia-Madrid*. 2019. Vol. 44, Issue 2. Pp. 193–209. (In Eng.).

46. *Seckel E.* Die Gestaltungsrechte des bürgerlichen Rechts, Festgabe für Koch. 1903. 205 p. (In Germ.).

47. *Smith L. J.* Private Law, Public Law, Metalaw and Public Policy in Space: A Liber Amicorum in Honor of Ernst Fasan. *Air & Space Law*. 2017. Vol. 42, Issue 1. Pp. 101–103. (In Eng.).

48. *Sokolowski P.* Die Mandatbürgerschaft nach römischen und gemeinen Recht. Halle, 1891. (In Germ.).

49. *Spickermann W.* Public and Private in Ancient Mediterranean Law and Religion. *Historische Zeitschrift*. 2017. Vol. 304, Issue 2. Pp. 465–466. (In Eng.).

50. *Wan W. Y., Chen Ch., Goo S. H.* Public and Private Enforcement of Corporate and Securities Laws: An Empirical Comparison of Hong Kong and Singapore. *European Business Organization Law Review*. 2019. Vol. 20, Issue 2. Pp. 319–361. (In Eng.).

51. *Wils W. P. J.* Private Enforcement of EU Antitrust Law and Its Relationship with Public Enforcement: Past, Present and Future. *World Competition*. 2017. Vol. 40, Issue 1. Pp. 3–45. (In Eng.).